

П. В. Крылов

«Доля холопская, труд да побои»

Рецензия: *Korpela J. Idän orjakauppa keskiajalla. Ihmisryöstöt Suomesta ja Karjalasta // Historiallisia tutkimuksia. 266. Helsinki, 2014. 288 s.*

Рабство как общественное явление существует со времен не оставившего письменных источников традиционного общества вплоть до дней сегодняшних. Оно принимает разнообразные формы принуждения к труду людей, которые по той или иной причине утратили право распоряжаться своей личной свободой. Посвященным рабству исследованиям, рассматривающим его с исторической, социологической, этнографической точек зрения, в прямом смысле этого слова нет числа. Одно из них легло в основу монографии Юкки Корпела, профессора всеобщей истории из Университета Восточной Финляндии, «Восточный рынок рабов в средние века. Похищение людей из Финляндии и Карелии». Своим названием она вызывает у потенциального читателя ожидание увидеть работу, целиком посвященную региональной истории шведско-российского пограничья и тех проблем, которые были вызваны многолетними военными столкновениями между соседними государствами, сопровождавшимися уводом в плен значительных масс населения. Впрочем, ожиданиям будет суждено расстаться довольно скоро: введение в суть проблемы рабства в средневековом обществе занимает в книге около сотни страниц и касается немалого количества достойных внимания сюжетов: от используемой для обозначения рабов терминологии, до основных путей и центров работорговли, а также категорий живого товара и его стоимостных характеристик в зависимости от пола, возраста, внешности и специфиче-

ских качеств (например владения ремеслом) (с. 44, 154–155). Опираясь на обширный источниковый фундамент и знание историографии на западно- и восточноевропейских языках, автор весьма убедительно показывает эволюцию отношения к работорговле со стороны слоев, обладающих политической властью. Европейские государства позднего средневековья и раннего нового времени, включая Московское, стремятся ограничить ее вплоть до полного запрета с целью расширения собственной налоговой базы и демографических ресурсов (с. 187). В итоге пленные и попавшие в кабалу не перепродаются за пределы страны, но пополняют ее зависимое население. Те же государственные образования, которые хотя бы частично строили свое благополучие на внешней работорговле, такие как Крымское ханство или Новгородская республика, сходят с исторической сцены, в чём Ю. Корпела обнаруживает определенную закономерность.

В работе содержится подробное, насколько это возможно ввиду фрагментарности источникового материала, исследование всех сведений не только о финнах, но и о представителях разнообразных финно-угорских народов Прибалтики и Поволжья, так или иначе ставших жертвами работорговли со стороны более могущественных соседей за исключением, пожалуй, только эстонцев. Впрочем, исследователю приходится признать, что определить этническое происхождение той или иной группы рабов часто не представляется возможным (с. 131, 173 и др.).

Свойственный монографии широкий географический и хронологический охват, вне всякого сомнения, привлекает читателя, узнающего для себя немало занимательных подробностей: о материальной выгоде торговца, перепродающего рабов экзотической внешности, и о тех трудностях, которые он испытывал при их транспортировке. Отдельной благодарности заслуживает описание автором системы принудительного труда в Шведском королевстве XVI–XVII вв., которое вносит существенные нюансы в расхожее представление о том, что «Финляндия в период шведского правления не знала рабства» (с. 141–148). Однако прикосновение к теме рабства у финских народов заставляет сожалеть о том, что автор совершенно обошел стороной проблему калевальской эпической поэзии как исторического источника о карело-финском патриархальном рабстве. Можно вспомнить, что в свое время именно «Калевала» стала основой для монографии С. С. Гадзяцкого «Карелия и карелы в новгородское время»¹. Молчание финского автора тем более примечательно, что он не отказывает себе в возможности сослаться на скандинавские саги, когда говорит о рабстве как о «повседневном явлении эпохи викингов» (с. 39). Возможно, Ю. Корпела придерживается мнения о полной недостоверности эпического произведения, но, по мнению рецензента, оно должно быть высказано,

¹ Гадзяцкий С. С. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

особенно в существующих условиях скудости информации о финском обществе средневекового периода. Тем более что сведения о рабстве встречаются не только в общеизвестном эпическом своде, в котором чувствуется серьезная правка его автора, Э. Лённрута, но и в необработанном фольклорном материале².

Впрочем, богатая фактическим материалом и авторскими суждениями по широкому кругу вопросов книга вызывает у читателя довольно большое количество пожеланий и замечаний. В качестве примера: утверждение о том, что в Московском государстве в отличие от ближневосточных стран не сложилась управленческая элита несвободного происхождения (с. 190), подобная дворцовым евнухам, заставляет вспомнить о таком явлении, как «боевые холопы», ставшем особенно заметным на рубеже XVI–XVII вв. В частности, боевым холопом князя А. А. Телятевского был И. И. Болотников, выдвинувшийся в начальный период Смутного времени. В монографии, однако, не встречается ни словосочетание, обозначающее несвободного бойца на службе влиятельного человека, несмотря на частое употребление понятия «холоп», ни имя того, кто считался в советской историографии вождем первой в России крестьянской войны, ни посвященная этой общественной группе литература. Несмотря на то что боевых холопов нельзя причислить к элите, их вполне можно сравнить с янычарами или мамлюками, о которых Ю. Корпела пишет достаточно подробно во вводной части своей работы.

Богатый фактографический материал часто предоставляют автору источники церковного происхождения: хроника Адама Бременского, дневник Вильгельма Рубрука, перечень финляндских епископов Павла Юстена, хроника Видукинда Корвейского, русские монастырские хронографы, жития святых и т.п. Иногда представители церкви выступают контрагентами на рынке, как в случае монахинь, выкупающих раба за три монеты у датских викингов на рынке в Корбридже (с. 16), однако автор никоим образом не характеризует позицию богословия и популярной в позднем средневековье нравоучительной литературы по поводу рабства. По мнению рецензента, автор придерживается той точки зрения, что образованные деятели церкви принимали наличие в обществе рабов как данность, согласующуюся со Священным Писанием, однако по какой-то причине не высказывает ее открыто, что может быть поставлено ему в упрек.

Демографические характеристики работорговли находят себе достойное место в монографии Ю. Корпела. В частности, он на основании имеющихся данных с привлечением историографии оценивает долю рабов в населении разных стран и регионов Европы (с. 40). Впрочем, работе, на взгляд рецензента, недостает анализа влияния вынужденной миграции, происходившей в форме работорговли, на этнический состав той или иной территории, а также на ее лингвистический и культурный фон. Карта-схема основных направлений перемещения рабов в пределах Европы (с. 193) может послужить неплохой основой

² Например, сказание о проданной в рабство девушке. См.: Народные песни Ингерманландии / Ред. У. Конкка. Л.: Наука, 1974. С. 61–65.

для подобного исследования, хотя оно, вне всякого сомнения, достойно того, чтобы объединить усилия не только историков, но и антропологов и лингвистов.

Список использованных источников и литературы на многих языках, как классической, так и новейшей, способен впечатлить, тем не менее он выглядит слегка неполным, поскольку в нём не находится места для записок о путешествиях в Россию Джерома Горсея на фоне обильного использования сочинений Якоба Ульфельдта и Павла Юстена. Отмечая знание автором современной российской историографии, можно высказать определенное недоумение, вызванное тем, что в списке использованных работ отсутствуют книги В. М. Панеяха (упоминается только статья 1960 г.), И. Я. Фроянова и В. М. Воробьева, темой которых являются интересующие Ю. Корпела рабство, данничество и холопство, равно как и сочинения С. С. Гадзяцкого и Е. А. Рябина, посвященные взаимоотношениям между финно-угорскими племенами, бывшими, по словам финского ученого, важным источником «живого товара», и древнерусскими государственными образованиями.

Благодаря документальным свидетельствам, на страницах рецензируемой монографии появляются некоторые имена рабов, переставших тем самым быть представителями «безмолвствующего большинства». Одна из них — Пиритка (Бригитта) из Выборга, купленная за два рубля И. И. Самариным у С. П. Обольянинова в 1593 г. Впоследствии она была крещена в православие под именем Соломония (с. 179–180). Однако в российской истории встречались и более известные люди, в жизни которых был плен и рабство. Одним из таких был И. И. Болотников. Размышления о влиянии полученного им жизненного опыта на дальнейшую деятельность в качестве одного из полководцев Смутного времени могли бы стать отправной точкой для разговора о судьбе освобожденных из плена или бежавших рабов на родине, когда им удавалось на неё вернуться. В этом контексте был бы уместен и пример Анники Сван из Йоутсено, побывавшей в русском плену в годы Северной войны, убежавшей в Швецию и вынужденной рассказать властям о своей жизни в петровской России.

Встречаются в монографии несколько сомнительных трактовок. Так, отчество Обакунович автор выводит из турецкого «Абак» или «Абакай» (с. 133), тогда как оно может быть искаженным в документе производным от имени Аввакум, а название Рабово, возможно, не «указывает на рабов» (с. 150), а является топонимом «Рябово», неверно отраженным в документе.

Интересная и информативная работа Ю. Корпела затрагивает одновременно столько сюжетов, по поводу каждого из которых хочется видеть отдельное полноценное исследование. Своими замечаниями рецензент вовсе не желает создать у потенциального читателя представление в том, что книга поверхностна и с ней не следует ознакомиться. По этой причине в завершение отзыва хотелось бы вновь поставить акцент на, пожалуй, главном достоинстве труда исследователя из Йоэнсуу. Безусловно, перед нами очень финская работа. И по своему языку вкпе со ставшим привычным отсутствием каких бы

то ни было резюме на языках других народов, и по стремлению поставить финляндскую проблематику в центр исследования. Однако она особенно ценна попыткой увидеть проблему рабства в общекиконтинентальном евразийском контексте, в данном конкретном случае от афганского Герата до шведского Торнио. Автор убедительно показывает, как дороги, по которым сначала двигались караваны работорговцев, превратились в пути следования дипломатов, договаривающихся о выкупе и обмене пленными. Московское государство выступает на страницах книги вполне соответствующим своему времени, в том числе с точки зрения оценки управленческих технологий и стратегических приоритетов, а Новгородская республика во многом лишается романтического ореола, встречающегося не только в массовом историческом сознании, но и в серьезной научной литературе. Более того, падение этого политического образования, благополучие которого частично основывалось на работорговле, предстает совершенно закономерным. С другой стороны, в чём, по-видимому, также проявляются специфические воззрения автора, за Россией не признается какая-то особенная роль пространства контактов между Западом и Востоком, Севером и Югом. Всё выглядит так, как будто великие и малые державы своего времени: Турция, Россия, Речь Посполитая, Швеция, Дания, Иран, Крым, Ливония и т.д. поддерживали активные прямые контакты между собой, не имея нужды ни прибегать к посредничеству какой-то одной из стран, ни использовать какие-то монопольные пути передвижения, например проходящий через Россию путь по Волге. Всё это многообразие международных связей не стало препятствием для целой серии войн между указанными государствами в XVI — начале XVIII в., но это уже другая история, которой исследователь касается только в той части, в какой она приводит к появлению масс военнопленных, принуждаемых к подневольному труду.

В итоге, хотелось бы поздравить Юкку Корпела с удачной и содержательной книгой, слегка посетовав на то, что в полной мере оценить ее сможет очень и очень ограниченный круг читателей за пределами Финляндии, в науку которой работа профессора Восточно-Финского университета внесла яркий и весомый вклад.